

みんなのデジタルリポジトリ

国立民族学博物館学術情報リポジトリ National Museum of Ethnology

Хангайская Экспедиция Ученого Комитета МНР в 1928 году (путевые впечатления)

メタデータ	言語: ru 出版者: 公開日: 2010-03-23 キーワード (Ja): キーワード (En): 作成者: A. D. , シムコフ メールアドレス: 所属:
URL	http://hdl.handle.net/10502/3829

А. Д. Симуков

Хангайская Экспедиция Ученого Комитета МНР в 1928 году (Путевые впечатления)

Предпринятое Ученым Комитетом МНР планомерное исследование территории Монголии продолжалось и в истекшем 1928 году.

После пересмотра имеющихся материалов, предметом исследований был избран обширный горный район Центральной Монголии, носящий в географической литературе название "Хангай". В более узком смысле название это приурочивается к мощному горному хребту, протянувшемуся с востоко-юго-востока на западо-северо-запад почти от Уйцэн-вана до Чжибхуланту (Улясутая) и далее на север до хр. Хан-хухэй. Хребет этот является водоразделом бассейна Северного Ледовитого океана и внутренних бессточных бассейнов Монголии. С его северных склонов берут начало р.р. Орхон с обоими Тамирами и два истока Селенги: Чулутэ и Эдэр со многими второстепенными притоками. На южном же склоне Хангая берут начало реки, заканчивающиеся в бессточных озерах Северной Гоби: Онгиин-гол, Тацин-гол, Туин-гол. Байдараг с притоками, Шара-усу, Буянту и Богдоин-гол – три истока р. Цзабхан.

Горная страна, лежащая к северу от основного водораздела, входит в состав аймака Цэцэрлиг-Мандал и справедливо считается одним из самых богатых пастбищами и скотом, самых населенных районов Монголии. Тем не менее, изучение имеющейся литературы выяснило целый ряд больших пробелов в исследовании этого, казавшегося таким известным, района.

Сообразно этим пробелам и были намечены в общих чертах маршруты двух партий, на которые предполагалось разбить Хангайскую экспедицию. Кроме маршрутов была составлена программа исследований, в которую помимо чисто географических вопросов были включены некоторые, имеющие узко-практическое значение, пункты, перечисленные ниже.

Экспедиция работала 4½ месяца (июль-ноябрь). Результаты ее вкратце следующие. Исследованы, главным образом с географической точки зрения: 1) главный хребет Хангая в истоках рек Хойту-Тамир, Чулутэ,

Гичигин, Урду-Тэрхи, Байдараг, Хара-усу и Богдоин-гол; 2) продолжение этого хребта на север от г. Чжибхоланту и связь его с системой гор Болнай и Хан-хухэй; 3) часть хр. Тарбагатай, 4) значительная часть гор Болнай и истоки р. Тэс, 5) часть хр. Танну-ула, 6) местность по маршруту Дурекчиван – Мурэн-хуре – Хадхал – Ван-хуре – Улан-Батор.

В этих районах произведена съемка, охватившая до 30.000 кв. километров, с подробным географическим описанием к ней, иллюстрированным фотоснимками, количество которых достигает 900. Определена высота около 400 пунктов, характеризующих рельеф страны. Собраны небольшие коллекции по геологии, ботанике (альпийская флора) и зоологии. Описаны исторические памятники, исследовано распространение и биология промысловых зверей, составлена приблизительная карта лесов, разобран вопрос о кочевках в некоторых местностях, обследован ряд монастырей, главным образом с архитектурной точки зрения, собраны некоторые экономические сведения и произведены небольшие специальные исследования в области этнографии. Кроме того, обследованы и инструктированы метеорологические станции района.

Весь этот большой материал еще не обработан, поэтому в нижеследующем очерке я не привожу почти никаких научных данных и не останавливаюсь на самой работе экспедиции. Моя задача – я это подчеркиваю – дать образное описание природы посещенных мною мест и некоторых наиболее ярких эпизодов экспедиции. Это впечатления не исследователя, а туриста.

* * *

В силу целого ряда причин Хангайская экспедиция была сформирована лишь к середине июня, когда и был отправлен из Улан-Батора общий караван обеих партий.

Руководители же партий – С.А.Кондратьев и я – выехали на автомобиле 30-го июня. Путь наш лежал сначала на Цэцэрлиг (Цзаин-шаби), где нас и дождался наш караван.

Партии наши разделились: С.А.Кондратьев ушел прямой дорогой на Чжибхоланту, а я, перевалив от Цэцэрлига в долину Хойту-Тамира, занялся исследованием центральной части Хангайской магистрали. Шла уже вторая половина июля.

Ознакомившись попутно с лесами хребта, разделяющего оба Тамира и собрав сведения об интересовавшем меня районе в хурене Цэцэн-вана, я стал продвигаться к истокам Хойту-Тамира.

Окрестности Цэцэн-ван-хурэ (иначе Сайт-ван) очень живописны.

Порядочная река (Хойту-Тамир) извивается по дну широкой долины, обрамленная почти непрерывными линиями тополевой уремы. Мощный лесистый хребет – водораздел обоих Тамиров – посылает к речной долине обильно облесенные скаты и долинки ключей. Над ними высится несколько гольцов (обнаженных вершин, поднимающихся выше границы леса). По имени одного из них (Хан-ундур-ула) и называется теперь хошун. Лес здесь состоит почти исключительно из лиственницы, к которой в высоких поясах, в очень незначительном количестве, примешивается кедр; сосны нет вовсе. Из промысловых зверей здесь довольно много изюбря, есть кабарга и коза. Общий характер этих лесов – типичная лиственничная подтайга.

Двигаясь выше, мы пришли к месту слияния двух основных истоков Хойту-Тамира: р.р. Хойту-гол и Урду-гол. Здесь мы были свидетелями того, как страшны могут быть горные реки после больших дождей. Дождь в данном случае продолжался всего около 2-х суток, и в результате вода в Хойту-Тамире поднялась в течение одной ночи на целый метр. Даже самый мелкий брод стал небезопасным, так как мутная, вздувшаяся река неслась по своему руслу с большой стремительностью.

Миновав слияние обеих упомянутых рек, мы стали подвигаться к истоку Урду-гола. Уже через несколько верст вид долины изменился: исчезла степь, лес спустился к самому дну сузившейся долины и, наконец, появились ледниковые отложения в виде неясной фронтальной морены. Огромное количество камня, снесенного сюда некогда ледником, заставило предположить, что до истока Урду-гола еще далеко и что магистраль Хангая достигает в этом районе значительной высоты. Все это оправдалось: фронтальная морена эта находится, примерно, в 35 км выше Цэцэн-вана. Проехав (и не без труда) на своих телегах еще верст 5, мы решили остановиться и съездить в верховья налегке. Дальше местность была уже безлюдной, последний (вверх по речке) аил был по соседству от нас.

Местность по долине р. Цзамтэ (так называется верхняя часть р. Урду-гол) очень приятна. Близость высоких гор и абсолютная высота самого места обеспечивает летом прохладу. Травянистая растительность очень богата, много цветов. Обращенный к северу склон долины покрыт довольно густым лиственничным лесом. Горы по сторонам здесь еще не очень высоки.

Совершив несколько экскурсий по окрестностям, я собрался в разъезд, наняв для этого через местный сомон двух проводников с вьючными лошадьми (этот способ найма всегда обеспечивает прекрасных спутников). Из трех рабочих, входивших кроме меня в состав партии, я взял с собой лишь одного, оставив прочих в лагере. В один из ясных дней конца июля

наш маленький разъезд двинулся в путь.

По бокам долины все время видны следы ледника в виде боковых морен и так называемых “бараньих лбов”, т.е. сглаженных и прочерченных льдом скал. Некоторые данные указывают на большую мощность сползавшего по этой долине ледника. Меня заинтересовали небольшие ключи с очень крутым падением, сбегавшие с самого верха боковых скатов долины, образуя иногда красивые каскады. Оказалось, что долина Цзамтэ в этом месте как-бы врезана в плоскогорье, поднимающееся выше границы леса. Там наверху - альпийская растительность, есть болотца и много россыпей. В жаркое время года там встречаются аргали (постоянные обитатели верхнего безлесного пояса гор) и изгнанные из лесов насекомыми изюбри, даже козы и кабаны.

Майхан свой мы раскинули на берегу бурно грохочущей речки Мухур-хугитэ, притока Цзамтэ, недалеко от красивого маленького водопада.

На следующий день, чуть стало светлеть на востоке, мы выбрались на охоту. Верхами мы заехали в одно из боковых ущелий Цзамтэ. Было очень холодно - чуть выше нуля (так влияет на температурные колебания значительная абсолютная высота).

Охота заключалась в том, что мы ехали гуськом по берегу шумящей речки и вглядывались в противоположный скалистый, очень крутой и высокий склон, куда должны были выйти на кормежку предполагавшиеся в ущелье звери. По нижней части нашего бока ущелья тянулась узкая полоска обомшелого, искривленного и низкого лиственничного леса. Но как мы ни всматривались в серые скалы – ничего живого обнаружить не могли.

Километра через 2 ½ лесок закончился. По его краю растет искривленный, низкорослый кедр, попадающийся ниже отдельными экземплярами в массе лиственницы.

Греясь у наскоро разложенного костра, мы дождались восхода солнца, а затем решили осмотреть безлесную верхушку ущелья. По-прежнему наши кони мяли пересыпанную яркими и крупными цветами сочную зелень альпийского луга, следуя шумной речке. Трава достигала местами вышины по колено.

В одном из боковых распадков мы заметили табунок горных козлов (яман-гурес), но было уже поздно: козлы уходили с кормежки на прохладные вершины. Мы долго следили как ловко пробирались они по россыпям.

Для общей ориентировки и знакомства с вершинами, я полез наверх. Подъем чрезвычайно крут. Местами приходится лезть на четвереньках.

Эта крутизна – одна из характерных черт верхнего пояса Хангайских гор – вместе со значительной (около 2500 м и выше) абсолютной высотой места сильно затрудняют лазанье по горам Хангая.

Наверху более или менее плоско, сплошная не крупная россыпь, между камнями которой на маленьких участках почвы, занесенной сюда ветром в виде пыли, карликовые растеньица. Разница в 2-3 сотни метров, и тяжелые условия существования делают то, что, например, экземпляр альпийского мака с вершины раз в десять меньше растущего на дне ущелья. Эти хилые растеньица оказались вдобавок присыпанными снегом, заменившим на этих высотах вчерашний дождь (дело происходило в 20-х числах июля).

Часть спуска я сделал по текучей мелкой россыпи, которая сдвинутая мной, поползла вниз целым плотом в несколько десятков кв. метров. Затем мы вернулись в лагерь и в этот же день переехали верст на десяток выше по Цзамтэ.

Я намеренно так подробно остановился на описании этой маленькой экскурсии: посещенное нами ущелье очень типично для данного района Хангайской магистрали и потому может служить хорошим примером. Характерные черты таких ущелий – большая высота и крутосклонность боков, малоизрезанных к тому же; пышный луг по влажному, местами болотистому, дну и бедность растительностью наверху; наличие, если позволяет высота, неширокой полосы угнетенного леса и, почти всегда, бурная речка. Шум пенящейся по большим валунам воды – постоянный аккомпанемент всему происходящему в этих тихих ущельях в летнее время. Воды много, она всегда холодна и прекрасного качества.

Из крупных млекопитающих по одним и тем же местам кормятся и изюбри, и аргали, и горные козлы, и лесные козы. Иногда появляется и кабан. Впрочем, оба последних животных попадают лишь там, где есть, хоть маленький клочок леса. Словом, они тяготеют к степной растительности в то время, как аргали и козел предпочитают россыпи вершин. Один изюбрь бродит, где ему вздумается, уходя часто за десятки верст от ближайшего леса. Вследствие этого для северянина охота на него здесь представляет особый интерес. Но, говоря вообще, зверя мало. Из хищников наиболее эффектен, конечно барс, встречающийся, впрочем, весьма редко. Профессионалы-охотники видят его раз или два в жизни. Медведя, как и вообще настоящих таежников (лось, соболь, россомаха), в Хангае нет нигде.

Следующая наша экскурсия была на самый гребень хангайской магистрали, до которого оставалось еще больше десятка верст. Таким образом, длина ледника Цзамтэ (от гребня до фронтальной морены)

равнялась примерно 37 км. На гребень я поднялся по колесной (скверной даже для местных телег) дороге к пер. Цзамтэ, ведущему из Хойту-Тамира в район Дашидогуна. Зимой этот перевал бывает закрыт по причине снежных заносов. Не удовольствовавшись видом на окрестность с перевала, я, для лучшей ориентировки, полез на самую высокую из находившихся поблизости вершин. Труды мои по подъему были вознаграждены: вершина действительно оказалась наивысшей в большом районе и горизонт открылся достаточно обширный. Бросалась в глаза разница между северным и южным склонами магистрали. На север – крутые, местами чуть ли не отвесные, скаты в глубокие ущелья-пропасти, вершины которых частенько представляют собой ледниковые кары (или цирки). На юг – гораздо более пологие склоны и долины с постепенным падением. Дорога в Дашидогун, после незаметного с юга и очень заметного с севера перевала, проходит по огромному плоскогорью, поверхность которого, равная примерно 300 кв. км – типичный гольцовый пейзаж, т.е. сплошная россыпь с болотцами и скудной альпийской растительностью. В плоскогорье врезаны немногочисленные долины речек бассейна истоков р. Уты, левого притока Байдарига. Это – холодная и унылая высокогорная пустыня. По ней бродят изредка аргали, живут многочисленные табунки белых куропаток (монг. ахун), да во время летних перекочевок забредают изюбри. На юг от этого плоскогорья, за невысокими горами, чуть виднеется степь близ Дашидогуна, а виднеющиеся дальше горы носят полугобийский характер. Лес на южном склоне Хангая виден лишь кое-где незначительными клочками.

На восток от этой вершины вздымается море высоких гор, среди которых выделяется красивый правильный высокий конус гольца Субургахайрхан, лежащий к северу от истоков Орхона и хорошо видный с окрестных Цэцэрлигу высот.

На западе горизонт замыкается высоким горным узлом на магистрали, на вершинах которого видны пятна вечного снега. Следующий свой разъезд я наметил туда.

Сделав утомительнейший спуск обратно, в долину Цзамтэ, я вернулся в лагерь на высланной мне навстречу лошади.

Отправив телеги кружным путем в долину р. Чулутэ, я с новыми проводниками отправился напрямик в другой исток Хойту-Тамира, р. Хойту-гол. Этот исток значительнее первого. Побывав снова в двух местах на магистрали, я заехал вверх по самому крупному притоку Хойту-гола, р. Нуриин-ама. Этот участок оказался одним из самых интересных на хангайской магистрали.

Большая, типично ледниковая долина имеет на устье правильную

полукруглую фронтальную морену. Боковые морены достигают подчас огромных размеров. Магистральная водораздельная линия проходит недалеко почти параллельно долине Нуриин-ама. В главном хребте здесь находится широкая (до 8 км) и совершенно плоская седловина. С юго-востока и северо-запада к ней падают огромными ступенями высокие гольцы. На северо-восток крутой, но короткий спуск, в виде ровной ступени, приводит в долину Нуриин-ама, а на юго-западе пологая покатошь ведет к одному из истоков Утаин-гола. Любопытнее всего то, что посреди этой седловины, т.е. фактически на самом гребне Хангайского хребта, лежит порядочное (до 8 км в окружности) и, по-видимому, весьма глубокое озеро, называемое монголами Хуху-нур *Ино-монгольски Синее озеро – сост./*. Название вполне оправдывается прекрасным темным зеленовато-синим цветом его холодной воды. Оно лежит выше границы леса, а потому окрестности его носят несколько суровый оттенок. Озеро это подобно огромному сапфиру в простой, но величественной оправе. Местное население чтит Хуху-нур молениями, производимыми ежегодно у большого обо на восточном берегу. Питается озеро маленькой речкой и подпочвенной водой с соседних гор, а избыток воды сливается в речку Нуриин-ама.

Не менее интересны и истоки этой последней. Около них находится горный узел, где от основного хребта Хангая отделяется важный водораздел между бассейнами Орхона и Селенги, т.е. в данном месте между истоками Хойту-Тамира (левый приток Орхона) и Чулутэ (один из трех истоков Селенги). Головной участок этого водораздела на протяжении 35 км представляет собой огромный, широкий (свыше 20 км), плоский и высокий вал, прорезанный местами глубокими и узкими долинами речек. Все эти долины ледникового характера и в вершинах имеют ясно выраженные ледниковые цирки. Некоторые речки, принадлежащие двум разным указанным выше бассейнам, почти сходятся вершинами. Их разделяют узкие, зубчатые, источенные льдом гребни, дающие подчас живописный, но чрезвычайно дикий вид этой высокой и мрачной местности.

В вышеупомянутом узле находится одна из самых значительных в этом районе вершин, имеющая небольшие пятна вечного снега. Пешеходная экскурсия на эту вершину, отстоявшую на 8 км от нашего лагеря, заняла целых 12 часов. И подыматься и спускаться пришлось все время по россыпи, к которой внизу прибавляется еще болото. Самая вершина плоская и представляет собой сплошную россыпь из огромных камней, нагроможденных в полном беспорядке. Зато вид оттуда вознаграждает за все труды: у ног наблюдателя толпятся горы; в глубоких пропастях на глазах зарождаются реки, серебряными змейками разбегающиеся во все

стороны; в мрачных, глухих закоулках, между извившимися, как драконьи спины, иззубренными гребнями, мерцают, подобно зеленым глазам неведомых чудовищ, изумрудные миниатюрные озера. Последние, как правило, имеются на дне каждого ледникового цирка.

Исследовав этот небольшой район, я перевалил вышеуказанный головной участок водораздела Орхон-Селенга чрезвычайно трудным выучным перевалом и спустился в район истоков Чулутэ, где встретился со своим караваном.

Послав караван прямо на Таряты, и взяв с собой лишь одного проводника, я отправился объезжать истоки Чулутэ.

На магистральном хребте в этом участке находится высочайшая вершина Центрального Хангая, достигающая высоты не менее 3600 метров над уровнем моря (точное вычисление высот, определенных этой экспедицией, еще не произведено). Вершина эта не имеет, как ни странно, определенного названия. Сложена она вулканическими породами. Вообще вулканические породы имеют широкое распространение в Хангае. Изучение рельефа указывает на то, что в весьма отдаленный период до ледниковой эпохи, здесь имели место грандиозные вулканические извержения, выбросившие на поверхность огромные массы лавы. С указанной вершины я увидел далеко на юге гребень хребта Ихэ-Богдо (Гобийский Алтай; подробно см. мою статью о Гобийской экспедиции 1927 г. "Хоз. Монголии" 1928, №1), находящегося по крайней мере в 300 км к югу.

Верстах в 10 к западу от этой вершины находится один из важных перевалов через Хангайский хребет, именно Эгин-даба. Через него ведет уртонский тракт из Улан-Батора в Чжибхоланту. Перевал этот находится на высоте, примерно, 2500 метров, подступы к нему довольно пологи, но каменисты. После небольшого исправления здесь могли бы, пожалуй, проходить автомобили. Местное население чтит этот перевал, считая его центром всего хангайского гребня. На высшей точке его сложено громадное обо.

После экскурсии на Эгин-даба я, сменив проводника, стал подниматься по крупнейшему левому притоку верхнего Чулутэ, р. Ульцзэйтү. Вершина этой речки почти сходится с вершиной р. Байдараг. Окрестности этих истоков (тут же поблизости находятся истоки р.р. Урду-Тэрхи и Будун-Гичигин, относящихся к системе Чулутэ) очень своеобразны. Огромные массы льда, скопившиеся на этих высотах в ледниковую эпоху, стерли и унесли весь верхний покров этого участка главного хребта. Образовалась как бы котловина, окруженная кольцом высоких гольцов, на которой, среди низких, обточенных льдами гранитных холмов, беруг начало р.р.

Байдарики и Ульцзэйтү. Место это высокое, глухое и мрачное: ни человека, ни зверя, лишь изредка бродят аргали. Во второй половине августа там частенько выпадал снег.

Повернув на север, я, спустившись крутейшим спуском от истока Байдарика в глубокий провал ущелья Хапчик, вышел этим последним в долину р. Будун-Гичигин. Поднявшись на высокий гонец Цзун-ганга и осмотрев с него еще один участок главного Хангайского хребта, я покончил с этим последним. В результате этого этапа работы выяснились как общий характер, так и детали рельефа хангайской магистрали между Урду-Тамиром и Урду-Тэрхи, т.е. на пространстве, примерно, 150 километров. Площадной съемкой охвачено около 6500 кв. км.

Из долины р. Будун-Гичигин я, без перевала, напрямик через гонец, перевалил в долину р. Урду-Тэрхи и тем самым вышел на автомобильную дорогу Цэцэрлиг – Таряты – Чжибхоланту. Спустившись вниз, достиг Тарят, где и встретился, после 15-тидневного разъезда, со своим караваном. Собрав некоторые расспросные сведения и приведя в порядок материалы, мы двинулись дальше.

Маленький разъезд на г. Хутуг-ула в окрестностях Тарят познакомил меня с характером большого отрога Хангая, разделяющего долины р.р. Тэрхи и Эдэра (один из трех истоков Селенги, именно западный), носящего название Тарбагатай. Отрог этот почти на всем протяжении поднимается над границей леса и в своей западной, ближней к магистрали, части несет на себе вершины с большими пятнами вечного снега. Эта часть Тарбагатай до сих пор еще малоизвестна. Кроме того, с Хутуг-улы видна снеговая вершина Отхан-тэнгри (высочайшей горы всего Хангая), подобная сахарной голове. До нее от Хутуг-улы не менее 200 км.

После экскурсии на Хутуг-улу мы спустились к р. Эдэр лесистой падью Тойн-ама. Северный склон Тарбагатай весь лесист, но вместе с тем очень густо населен. Леса исключительно лиственничные; кедр встречается единичными экземплярами. Из промысловых животных есть кабан, изюбрь, коза, порядочно белки. Долина Эдэра лежит значительно ниже долины р. Тэрхи. Ландшафт по ней довольно унылый. Горы по бокам долины оголены; почва то камениста, то песчана, то болотиста. Растительность скудна; много ириса, караганы. Глаз отдыхает лишь на прекрасной полноводной р. Эдэр, обильной рыбой, да на далеких лесах в падях северного склона Тарбагатай.

Поднявшись на несколько десятков верст вверх по Эдэру, мы свернули снова к северу, в одну из долин, впадающих в р. Эдэр с севера и тем самым вступили в район гор Болнай, протянувшихся в широтном направлении между верхним Тэсом и оз. Сангин-Далай, с одной стороны и долиной

Эдэра – с другой. Длинный подъем по долине Хуэштэин-ама привел нас к пологому перевалу Сэпсул-даба, ведущему к бассейну оз. Сангин-далай. Хребет Болнай в этом районе лишь незначительно поднимается над границей леса, гребень его плоский. Южный склон длинен и изрезан долинами, сбегаящими в Эдэр. Северный короток, малоизрезан и невысок относительно плоскогорья истоков Тэса. Лес (лиственничный) имеется на обоих склонах, но на северном он гуще и идет сплошной полосой. Пройдя километрах в 10 от большого (до 40 км длиной) озера Сангин-далай, мы свернули к западу, вдоль Болная и, миновав красивое озеро Гандан-нур (около 15 км в окружности), вышли в широкую и высоко поднятую над уровнем моря болотистую долину, на которой начинается р. Тэс. Несмотря на начало сентября, на этом высоком нагорье ночами морозило, трава вся пожелтела и высохла.

Продвигаясь далее к северо-западу, мы пересекли ряд отрогов Болная, выдвинувшихся к ушедшей несколько к северу р. Тэс и вышли к хуре Дурекчи-вана, где было назначено соединение обеих партий нашей экспедиции. Здесь мы несколько отдохнули и я привел в порядок материалы по пройденному этапу.

Партия С.А.Кондратьева пришла 10-го сентября. Маршрут ее был в общих чертах следующий: караван прошел из Цэцэрлига в Чжибхоланту дорогой, идущей севернее Хангайской магистрали и южнее долины Тэрхиин-гола. Съемку этого пути произвел Ф.Ф.Большаков. С.А.Кондратьев проехал на автомобиле параллельным путем – долиной Тэрхиин-гола – и, перевалив главный Хангайский хребет через лежащий выше границы леса Тель-дабан, проехал в вершину р. Цзак, а оттуда – автомобильным трактом в Чжибхоланту. Из Чжибхоланту С.А.Кондратьевым была предпринята экскурсия в район горы Отхан-тенгри, высочайшей вершины Хангая, находящейся в 70 километрах к востоку-северо-востоку от Чжибхоланту.

Высота Отхан-тенгри, а равно нижняя граница и распределение вечно-снегового покрова на этой горе до сих пор не были известны. Среди монгол ходили слухи, что взобраться на нее вообще невозможно. Подъем оказался действительно трудным, благодаря крутизне и россыпям. Последний участок подъема идет по плотному снеговому покрову. Самая вершина прикрыта, точно шапкой, огромным сугробом вечно снега, мощность которого достигает 30 метров. Продвигаться по снегу пришлось с крайней осторожностью. Самой вершины из пяти экскурсантов достигли всего двое: С.А.Кондратьев и Ф.Ф.Большаков, топограф партии.

Сделав необходимые измерения, снимки и отсчеты, они вернулись в лагерь только на рассвете. Вся экскурсия на Отхан из разбитого в

ближайшем ущелье лагеря продолжалась 23 часа (из которых лишь 4 были уделены отдыху на холоде, без теплой одежды и огня, на большой высоте). Высота Отхона оказалась равной примерно 4100 метрам (точного вычисления еще не произведено). Во всем районе Отхан-тенгри экспедицией обнаружены выразительные следы древнего оледенения.

После этой экскурсии партия вышла из Чжибхоланту на север и прошла, пересекая верховья р. Эдэр, вдоль Хангайской магистрали, поворачивающей здесь на север-северо-запад к хребту Болнай. Большой неожиданностью оказалось, что этот сравнительно высокий район подвергся в прошлом влиянию пустынного режима, следы которого сохранились очень хорошо: в некоторых местах партия нашла группы настоящих песчаных барханов. Кроме того, растительность района также напоминает о пустыне. В результате работ партии, карта этого района подвергнется большим изменениям.

По обсуждении дальнейших маршрутов, мы решили спуститься вниз по Тэсу верст на 130 вместе, а там разделиться. С.А.Кондратьев предполагал пройти к малоизвестному хребту Хан-хухэй (к югу от долины Тэса), а я должен был осмотреть малоизвестный восточный участок хр. Танну-ула, за которым находятся уже истоки Енисея.

Большой объединенный караван выступил из Дурекчивана 13-го сентября. Впереди ехали две тройки, сзади еще две пары (часть багажа мы оставили).

Верст на 25 ниже Дурекчивана по реке появилась еловая урема (заросли, сопровождающие русло реки). Осень стояла ясная и тихая. Синяя река то и дело скрывалась в темно-зеленой стене ельника. Степь желтела бледным осенним ковылем. Видневшиеся кое-где лиственничные леса горели червонным золотом.

На остановках мы не нуждались в палатке: где-нибудь на уютной поляне, среди стройных елей, раскладывался огромный костер, около которого мы ужинали и курили вечернюю трубку. А потом так крепко спалось под морозным осенним ясным небом.

На второй день пути мы увидели на севере высокие, оголенные, запорошенные осенним снегом вершины хребта Танну-ула. Вместе с тем в ближайших окрестностях широкой здесь долины Тэса исчез лес. Горы стали скалистыми и оголенными. С юга здесь к Тэсу сбегают широкие сухие степные долины – хунде, по которым бродят большие стада дзеренов. Колодцев по ним мало, жителей тоже, а потому эти степи поросли прекрасным нетронутым ковылем. Пастбищами этими местное население пользуется после выпадения снега.

На четвертый день пути мы остановились в красивых зарослях

березняка все на том же Тэсе, верстах в 5 от монастыря Гандан. Осмотрев на следующий день монастырь и собрав сведения о дальнейшем пути, 18-го числа мы снова разделились: С.А.Кондратьев ушел со своей партией дальше вниз по Тэсу, а я, вернувшись немного обратно, свернул прямо на север, к Танну-уле.

В первый день мы подымались по широкой сухой долине Бугусугиин-ама. Колеса нашего ходка тяжело тащились по песку, поросшему редким ковылем и караганой. По обеим сторонам подымались крутые, скалистые, иззубренные горы, сильно напоминавшие о Гоби. Запрятанные в теневых щелях маленькие колки лиственничного леса казались диссонансом. Лишь впереди виднелись круглые вершины, поросшие густым лиственничным лесом.

Остановились мы около маленького монастырька Баян-булагин-хуре, построенного бывшим караулом Баян-булаг. Урянхайская граница проходит в каких-нибудь 20 верстах севернее. В окрестностях этого хуре много уже хорошего лиственничного леса. Далее к северу начинается настоящая тайга южных склонов Танну-улы. Ввиду близости границы, местный дарга снарядил сторожа стеречь наших коней: здесь иногда пошаливают урянхайцы-сойоты. Оставив ходок и часть багажа в Баян-булакиин-хуре, мы двинулись дальше вьючно.

Урянхайскую границу мы пересекли в первый же день. Путь наш шел на северо-запад, и мы прошли две широкие сухие степные долины-хунде, постепенно приближаясь к вытянувшемуся в широтном направлении белому известковому отрогу Танну-улы. В тот же день мы перевалили очень крутой и довольно высокий перевал Дунду-харган и заночевали в лесу на его северном склоне. С самого перевала открывается обширный вид на юго-запад. Видны сбегаящие к Тэсу сухие долины и разделяющие их скалистые гребни. Намечается самая долина Тэса с участками песков. Далеко за ней виден длинный силуэт хребта Хан-хухэй. Вершины его в это время были уже довольно сильно оснежены.

Утром мы спустились по узкой пади Дунду-харган около 10 км и вышли к чрезвычайно живописной долине р. Нарин, правого притока Тэса. По ней мы и стали подниматься к главному хребту Танну-улы. Многоводная голубая речка извиваясь среди густых зарослей высокого темно-зеленого ельника, тополя и разных кустарников, среди которых мы подметили облепиху. Заросли эти местами непроходимы. С левой стороны к речке ниспадали крутые округлые склоны, сплошь укрытые густым золотом осеннего лиственничного леса с отдельными крапинами елей. Склоны эти прорезаны местами красивыми лесистыми падыми. По правой стороне сначала идет неширокая степная терраса, а затем острыми

зубцами и гребнями вздымаются к небу высокие белые известковые скалы, кое-где усаженные елями, а на более пологих местах укрытые лиственничным лесом. Урянхайские юрты встречались не часто. Поднявшись по Нарину верст на 15, мы остановились на лугу под столетними лиственницами. Вечером заморочало. Уже в темноте к нам подъехал молодой лама, оставшийся ночевать. Он рассказал, что выше нас есть только одна юрта его отца, шамана и охотника, который, наверно, не откажется показать мне окрестности. Лама этот ехал с пашен Эрсин-гола, соседней Нарину речки, и вез выюк ячменя. Оказывается, кое-где на южном склоне Танну-улы урянхайцы занимаются, правда, в небольших размерах, хлебопашеством. Ночью шел первый настоящий снег (21-го сентября) и утром мы оказались среди совершенно зимнего пейзажа.

Уехав вперед, я заехал в юрту к шаману Пельчже, познакомился с ним и разбил свой лагерь невдалеке от его стойбища. Стоянка была хорошая: в чаще высоких елей, в двух шагах от речки и луга, на котором паслись наши кони. В этот же день мы совместно с урянхайцами устроили загон на изюбрей, кончившийся неудачно. На этом месте мы простояли дня четыре.

Путем коротких охотничьих экскурсий я знакомился с характером окрестной тайги, а бывая часто в юрте Пельчже, интересовался полускотоводческим, полуохотничьим бытом местных сильно омонголенных урянхайцев. Лам здесь немного. За исключением их – все мужчины поголовно охотники. Дети 4-5 лет уже таскают за поясом маленькие ножи в деревянных ножнах, а мальчик лет 8 уже стреляет из детского лука зайцев-беляков, шкурки которых скупаются здесь русскими по четвертаку за штуку. Такой юнец считает себя уже помощником отца. Взрослые же пропадают в тайге целыми днями.

Из промысловых зверей здесь много изюбря, есть коза, немного кабарги, очень редок кабан. Бродит медведь, есть рысь, волк, лисица. Из мелочи – белка, колонок. Изюбря действительно очень много. Мы были в этих местах как раз во время так называемого “рева”, когда быки, гоня самок, бегают решительно везде. Во время экскурсий я редко видел место, где не было бы хотя бы старого изюбриного следа.

В один из вечеров я был приглашен в аил Пельчже посмотреть на его камланье (т.е. пляску шамана). За медлительными разговорами об охоте (обычная местная тема) совсем стемнело. Старый шаман стал готовиться. Большой бубен из медвежьей кожи был подсушен и нагрет у очага. Затем была извлечена ритуальная одежда и Пельчже стал одеваться: на голову он одел круглую шапку с венцом перьев филина и с нарисованным спереди человеческим лицом; затем он облачился в куртку из оленьей кожи с

прикрепленной сзади и с боков длинной (до полу) бахромой всяческих лент и ремешков; на ноги одел мягкие сапоги тоже из оленьей кожи, похожие скорее на чулки. Когда все было готово, он встал и повернулся лицом к онгонам (изображения шаманских духов), висевшим по обе стороны киота с бурханами. Жена стала окуривать его сладким дымом арцы (вид можжевельника), обнося курильницу вокруг ног. После этого Пельчже запел призывание духов, изредка ударяя в бубен. Мало-помалу темп пения и ударов стал делаться все быстрее и быстрее. Стала увеличиваться и сила удара. Заметно было, что Пельчже впал в экстаз. Глаза его были плотно закрыты. Тело судорожно подергивалось. Петь он перестал и вдруг завертелся в дикой пляске под оглушающий грохот бубна. Движения его были так быстры, что длинная бахрома его одежды образовывала временами сплошной мерцающий круг. Иногда он замедлял темп пляски и тогда снова пел, торопясь и захлебываясь. Бубен то и дело взлетал к самой крыше юрты. Картина была красочная. Снаружи тихо шумела осенняя тайга, плескалась речка, ярко горели полночные звезды. Где-то на сопке раза два взревел изюбрь. Было тихо и глухо. А в одиночной юрте, освещенный неровным красноватым светом очага, старый охотник Пельчже извивался в безумной пляске жреца древней “черной веры”, крутился, как бы желая в этот момент экстатического напряжения вырваться из земной оболочки и легкой пушинкой, вместе с дымом очага, взлететь над спящей тайгой в прозрачной морозной ночи. После сильных порывов, хорошо выразившихся в бешеном, захватывающем и зрителей, темпе бубна, наступала передышка. Пельчже, жалобно напевая, вслушивался в бубен, чуть его ударяя. Затем снова слышался храп, свист и снова начиналась пляска. В один из таких моментов шаман одним прыжком перемахнул поперек всей юрты через очаг к дверям и продолжал камлать снаружи, под открытым небом. Затем он снова вернулся в юрту. Перед концом он немного прорицал, главным образом, относительно охоты. Наконец с него упала шапка, свалилась одежда. В этот момент он как-то прыгнул и в страшной судороге, весь скрюченный, повис на палках крыши юрты. Жена и старший сын оторвали его оттуда и, накинув шубу, заставили сесть. Постепенно, усиленно растирая лицо и отдуваясь, Пельчже пришел в себя, с жадностью проглотил чашку чая и затянулся трубкой. Камлание продолжалось не менее 3-х часов. Даже и молодому в нормальном состоянии просто невозможно так напряженно вертеться несколько часов. А Пельчже – за пятьдесят.

Способности шамана передаются по наследству. Пельчже, например, шаман в девятом поколении. Готовится и десятое: старик указывал на одного из своих младших сыновей, как на вероятного наследника своего

в общении с духами гор и лесов.

Обычная норма камлания у этого шамана – раз в месяц. На следующий день мне удалось снять Пельчже в полном шаманском наряде.

Дальше в глубь тайги я решил ехать втроем, взяв с собой одного из рабочих и в качестве проводника - Пельчже. Превших проводников я отправил обратно.

25-го сентября мы пошли вверх по Нарину.

Узкая охотничья тропа то извивалась по карнизам обрывов над рекой, то путалась в зарослях кустарника, то исчезала на гальке речного русла. Попадались участки гарей с серым обгорелым буреломом, через который осторожно шагали наши привычные к тайге кони. Вьючная лошадь, например, шла свободная, без повода. Первый день мы прошли всего верст восемь.

Утром, после охоты, двинулись дальше. Вверху уже показались оснеженные гольцы главного водораздела.

Палатки мы не разбивали, ночуя прямо у костра. В следующую ночь мы слышали рев двух перекликающихся изюбрей всего в полуверсте от нас. Этот чистый, как бы металлический трубный звук, одухотворенный страстью легкононого зверя, удивительно гармонирует с искрящейся звездами, чуть морозной стеклянной осенней ночью. Изюбри перекликались через речку, т.е. через нас, находясь на высоких лесистых мысах. Кругом, под низкой луной, косматились укрытые тайгой сопки и гривы. Пасшиеся поблизости лошади пугливо всхрапывали, неровный огонь потухавшего костра выхватывал из темноты то строгие бронзовые черты старого охотника, то матово поблескивавшие стволы винтовок, то сваленные в кучу наши седла.

На этой стоянке мы снова разделились: рабочий с обеими вьючными лошадьми должен был, перевалив второстепенный гольцовый водораздел, спуститься в соседнюю к востоку речку Хачик, а мы с Пельчже, приторочив к своим седлам лишь самое необходимое, отправились в разъезд на главный водораздел.

Почти от самой стоянки мы поднялись на второстепенный гребень, по которому проходит верховая тропа, соединяющая южный склон Танну-улы с истоками Енисея. Здесь кое-где лежал снег. Кристально чистый горный воздух вершин открывал глазу синие дали. Четко рисовалась оснеженная линия водораздельных гольцов Танну-улы, на юго-запад уходило золотое море леса, на горизонте белел свежим снегом хребет Хан-хухей, за которым виднелись еще горы, находящиеся уже около котловины Убса-нора, т.е. на расстоянии 250 верст от нас. Проехав верст 10, мы подъехали к невысокому перевалу, за которым уже начинались речки

системы верхнего Енисея. Нас окружили суровые гольцы, уже почти сплошь укрытые снегом. Остановились мы около первого леса на северном склоне. Утром я пошел на экскурсию, причем снова забрался на магистраль. Передо мной расстились обширные каменистые гольцовые поля, скупо поросшие голубоватым ягелем (оленим мхом) и кое-какой мелкой тундряной травкой. По этим местам изредка бродят дикие северные олени, никогда, по словам охотников, не спускающиеся с этих унылых, напоминающих тундру, “белогорий” (так называются плоские гребни хребтов с мхами и тундровой травой в Саянах, природу которых отчасти напоминает данный участок Танну-улы). Как раз дней за пять до моего приезда в Нарин на этих гольцах охотники убили одного северного оленя из стада в 10 голов. В некоторых местах главного хребта водятся еще горный козел, очень близкий гобийскому. Недавно еще козлов было очень много, но потом появилась какая-то эпизоотия и они почти все вымерли.

Наверху пробыл я довольно долго, в подробностях рассматривая окрестности. На севере, к р. Хуа-кхему уходило сплошное море гольцов. Вообще вся эта местность имеет очень суровый вид, хотя и не очень высоко поднята над уровнем моря (приблизительно 2000-2500 метров).

После этой экскурсии мы с Пельчже углубились в лабиринт суровых ущелий, намереваясь перевалить снова на южный склон Танну-улы, к р. Хачик. Но старик, проехавший здесь всего один раз и то 20 лет назад, заблудился, и мы ночью, по россыпям, крутякам и болотам, все время верхами, наудачу поднялись на главный хребет, наудачу же спустились с него и заночевали у первого леса. Утром ориентировались, перевалили еще один гонец и, поохотившись немного, двинулись обратно. Близ границы я спросил у Пельчже и скорым ходом по знакомой дороге добрался до Дурекчи-вана.

Работы партии С.А. Кондратьева выяснили характер местности между р. Тэс и хребтами Болнай и Хан-хухэй. Общий характер этого последнего хребта также определился, подтвердились рассказы о хороших лесах на нем, в частности, о сплошных кедровниках, которых я не видел даже на Танну-уле. Кроме того, был обмерен и частью вновь нанесен на карту ряд озер.

Из Дурекчи-вана начался наш совместный обратный путь. Была уже вторая половина октября. Без экскурсий, ровным, напористым ходом ехали мы на восток. Через несколько дней караван наш достиг Мурэн-хурэ. На этом пути особенно красива долина р. Дэлгэр-мурэн, то узкая, обставленная крупными и высокими скалистыми стенами, то широкая, с богатой уремой по реке и лесами на крутых горах правого берега. Из

Мурин-хурэ, оставив свой караван, мы с С.А.Кондратьевым съездили на случайно подвернувшемся автомобиле в пос. Хадхал, расположенный на южном берегу оз. Хубсугул. По дороге была произведена съемка, а в Хадхале – обревизована метеорологическая станция.

Поездка эта прибавила еще одну яркую страницу к виденному нами в этой экспедиции. Озеро Хубсугул совсем очаровало нас. Ярко-синие волны (я никогда не видел такой интенсивно синей окраски воды) тихо плескались о песчаные косы и берега. С окрестных гор к озеру ниспадали золотые леса, над которыми торчали оголенные вершины. Северного конца озера, отстоящего от Хадхала километров на 140, не было видно, лишь как призрак вставал из синих волн серебристый зубчатый силуэт вечноснегового Мунху-сардига, вершины Саянского хребта. Бледное осеннее небо довершало картину. Недостаток времени помешал нам проехать по Хубсугулу на пароходе и сделать ряд фотоснимков этого красивейшего озера в Монголии. Самый Хадхал, как торговый и перевалочный пункт, постепенно умирает. Грузы идут больше на Улан-Батор и Алтан-булаг. Тункинский тракт мало оживлен.

По возвращении в Мурэн-хурэ, мы двинулись дальше, к Селенге, на которую и вышли на третий день пути. Но берега реки так гористы, что ехать вдоль нее на телеге почти невозможно. Поэтому дорога снова ушла от реки и повела широкими маловодными долинами левого (северного) берега Селенги.

На третьем переходе мы снова увидели лиственные леса и, что редко на западе, березняки. Березу за эту экспедицию мы видели лишь на Тэсе, и то в небольшом количестве. Выйдя снова на Селенгу, мы попали в земледельческий район. Почти вся долина реки распахана, везде видны юрты, народ, скирды хлеба, везде движение, шум, дымки. Земледелие здесь почти исключительно монгольское. Сеют пшеницу, ячмень и просо. Скоро мы добрались и до перевоза. Боты на этом перевозе через Селенгу поднимают даже автомобиль.

После переправы мы проехали еще несколько верст по пашням долины Селенги, а затем свернули к югу, на пересечение водораздела Орхон – Селенга, намереваясь выйти к Ван-хурэ. Подымались мы по пади Алтат. Пейзаж был довольно интересен. Старую долину залил некогда до определенной высоты мощный лавовый поток, выравнявший эту местность. Над ним торчали лишь верхние половины гребней, вершин и мысов. После этого, неутомимая работа воды промыла в массе лавы каньоны, по которым и бегут сейчас речки. Этот северный склон водораздела хорошо облесен. На вершинах попадает даже кедр. Из животных очень много козы, есть изюбрь, кабан. Здесь мы поохотились в последний раз перед

Улан-Батором. По березнякам вдоль речки нам попадалось очень много тетеревов, четко выделявшихся грузными черными силуэтами среди паутины тонких, безлистных уже, веток берез. Они были совсем незнакомы с выстрелами и поэтому у нас каждый день к обеду была дичь. В этих же лесах наступающая зима послала нам предупреждение: 27-го октября ночью был мороз -29°C .

Двигаясь среди леса, по хорошим кормам, приятно было видеть хорошо оборудованные зимники местных монголов и сравнительно большие запасы сена.

За пологим перевалом вниз к Орхону сразу пошла степь. Небольшие леса остались лишь по большим сопкам. В Ван-хуре мы въехали поздно вечером. Отдохнув, расспросив о дальнейшей дороге и осмотрев монастырь, мы двинулись дальше.

Обычной прямой дорогой на Улан-Батор ехать мы не могли, вследствие полного отсутствия кормов в этом районе. Поэтому была выбрана северная дорога. Мы спустились вниз по Орхону на 100 с лишним верст, переправились через него хорошим бродом (шла уже шуга) и поехали на восток. На Орхоне впервые был мороз в -35°C . За этой рекой пошли широкие степи. Проехав по ним свыше 100 верст, мы увидели, наконец, основные леса гор, окружающих истоки р.р. Боротай и Бургултай. Вскоре мы выехали на Алтан-Булагский тракт (около Нарасту-даба) и 12-го ноября добрались до Улан-Батора.

Экспедиция была закончена.